

М. ШОЛОХОВ

НАХАЛЁНОК

ХУДОЖНИК
О. НОВОЗОНОВ

Протёр Мишка глаза и видит: дверь открылась, дед в горницу бежит, а следом за ним прёт чужой большущий солдат в чёрной шинели и в шапке с лентами.

Мишка струхнул, под одеяло забрался.—«Минюшка, сыночек, что ж ты спишь? Батянька твой со службы пришёл!»—кричит мамка.

Не успел Мишка глазом моргнуть, как солдат сграбастал его.—«Вон у меня какой большевик вырос! Скоро батьку перерастёт!—кричит и знай подкидывает Мишку.—А помнишь, сынушка, как я тебе пароходы делал? Помнишь, как мы их в пруду пущали?»—«Помню».

Тут и вовсе пошло развеселье: посадил отец Мишку к себе на шею и по горнице кругом, а потом как взбрыкнёт по-лошадиному, у Мишки от восторга аж дух занялся.

Мишка собой щуплый, вихрастый, щёки исконопатило веснушками, а нос от солнышка и постоянного купанья облупился и потрескался. Одним хорош Мишка—глазами. Из узеньких прорезей высматривают они, голубые и плутовские. Вот за глаза-то да за буйную непоседливость и любит его отец. [6]

На другой день возле пруда ребята окружили Мишку.—
«Твой батянька на войне был?»—«Был».—«А что он там де-
лал?»—«Известно что—воевал!»—«Брешешь? Он вшей убивал
и при кухне мослы грыз!..»

От обиды слёзы навернулись на глазах, а тут ещё Витька-попович: «Твой отец коммуняка. Папочка говорил, что он продал душу чертям. И ещё, что всех коммунистов будут вешать!»—У Мишки сжалось сердце. Батяньку вешать—за что? — «У батяньки большее ружьё, он всех буржуев поубивает!»^[8]

Прошка, сын лавочника, толкнул его и крикнул: «А ты не дюже со своим батянькой!.. Он у моего товары забирал, как поднялась революция, а отец сказал: «Ну, нешто не перевернётся власть, а то Фомку-пастуха первого убью!»

Наташка, Прошкина сестра, топнула ногой: «Бейте его, ребята, что смотреть?!»—«Бей коммуначьего сына!»—«Нахалёнок!»—«Звездани его, Прошка!»—Прошка взмахнул прутом и ударил Мишку по плечу.

Витька подставил ногу—и Мишка навзничь шлёпнулся на песок. Наташка визжала и царапала ему шею. Кто-то больно ударил его в живот.

Мишка стряхнул с себя Прошку, вскочил и пустился домой.
Вслед ему засвистали, бросили камень.

Только тогда перевёл дух, когда с головой окунулся в зелёную заросль конопли. Присел на влажную пахучую землю, вытер с расцарапанной шеи кровь и заплакал.

Сверху, пробираясь сквозь листья, солнце старалось заглянуть Мишке в глаза, сушило на щеках слёзы и ласково, как маманька, целовало в рыжую вихрастую маковку. Сидел долго, пока не высохли глаза;

потом тихо побрёл во двор. Под навесом отец смазывал дёгтем колёса повозки. Мишка подошёл: «Батя, ты на войне что делал?»—«Воевал, сыночек!»—«А ребята гутарят, что ты там только вшей убивал...»—И слёзы опять перехватили горло.

Отец засмеялся и подхватил его на руки.—«Брешут они, мой родный! Я на пароходе плавал по морю, потом пошёл воевать... Ты мне сейчас не мешай, а спать ляжешь, я тебе про войну расскажу».

За ужином Мишка наспех поглотил хлеба—и в постель.
Пришёл отец, сел у кровати.—«Видишь, оно какое дело было...
Помнишь, как ты со мной ездил за Песчаный курган? Хлеб
наш там был...»

Припомнилось: вдоль дороги узкая кривая полоска хлеба. Приехали с отцом, а полоса скотом потравлена. Лежат втолчённые в землю колосья, качаются пустые стебли. Мишка плакал, глядя как по исхудавшим щекам отца текли скупые слёзы.

Обратной дорогой спросил отец бахчевника: «Скажи, Федот, кто потравил мой хлеб?»—«Лавочник нарочно запустил скотину на твою полосу...»

Отец продолжал: «Лавочник и остальные богатеи позаняли всю землю, а бедным сеять было не на чем. Так везде было, не в одной нашей станице. Шибко обижали они нас. Жить стало туго, нанялся я в пастухи,

а потом забрали меня на службу. Плохо было и на службе.
Офицеры за всякую малость в морду били.

Потом объявились большевики. Старшой у них—по прозвищу Ленин, ума дюже учёного, даром что наших, мужицких кровей. Задали большевики нам заковырину: «Что вы,—говорят,—мужики и рабочие, разяву-то ловите? Гоните господ и начальство в три шеи! Всё—ваше!»

А Ленин народ поднял, ровно пахарь полосу плугом. Собрал солдат и рабочих и ну наколупывать господ! Стали рабочие и солдаты прозываться Красной Гвардией.

Вот и я был в Красной Гвардии. Жили мы в большущем доме, звался он Смольным. Стою раз ночью, караулю вход. Холодно на дворе, а у меня одна шинель. Вышли из этого дома два человека. Угадываю в одном Ленина.

Подошёл ко мне, спрашивает: «Не холодно вам, товарищ?»—
«Нет, товарищ Ленин, не то что холод, но и никакие враги
не сломят нас!»—Он засмеялся и руку мне жмёт. Вот какой
он был. Обо всех заботу нёс. Об каждом солдате сердцем
хворал...

Когда вырастешь—будешь, как твой батька, за Советскую власть воевать?»—«Буду!»—крикнул Мишка и повис у отца на шее.

Уснул. Во сне увидел город.
Встречает Мишка на улице
высоченного человека в
красной рубаше.—«Ты, Миш-
ка, почему без делов шля-

ешься?»—«Меня дедуня пустил поиграть».—«А ты знаешь,
кто я такой? Я—товарищ Ленин!—Совести у тебя, Мишка, и
на грош нету. Хорошо знаешь, что я за бедный народ воюю,
а почему в моё войско не поступаешь?»—«Меня дедуня не
пускает».—«Как хочешь, а без тебя у меня неуправка!»

—«Ладно, я без спросу поступлю в твою войску и буду воевать за бедный народ. А ежели дедуня зачнёт меня за это хворостиной драть, тогда ты заступись». — «Обязательно заступлюсь!»

Как-то однажды приехал в станицу «советский сотрудник» проводить перевыборы в Советы. Вечером он пришёл к отцу и они долго сидели, читая какие-то бумаги. Отец взял одну и протянул Мишке: «Гляди, вот это и есть Ленин».

Чужак остался ночевать. Только начал засыпать, как услышал скрип двери.—«Тебе чего, малыш?»—«Ты, дяденька, это... Ты отдай мне Ленина навовсе. А я тебе подарю жестяную коробку и все как есть бабки...»—Чужак засмеялся и подал Мишке карточку.

Проснулся Мишка ни свет, ни заря. Мать только корову подоила. Увидела его, руками всплеснула: «Это зачем такую рань поднялся?»—Мишка карточку под рубахой жмёт, и молча мимо—под амбар.

Сорвал лист лопуха, завернул карточку, положил в ямку и камешком привалил, чтобы ветер не унёс. С тех пор после каждой обиды доставал он карточку, рассказывал Ленину о своём горе и жаловался на обидчика.

Прошла неделя. Как-то пришёл Мишка с пруда домой и видит: отец шинель свою скатал и сапоги надевает. Рядом стоит мать и голосит, ровно по мёртвому.—«Ты куда, батенька?»—«Уйми, сынок, мать! Душу она мне вынает своим рёвом. Я на войну иду, а она не пускает!»—«И я с тобой!»

Отец подпояслся ремнём, надел шапку с лентами.—«Чудак ты, право! Нельзя нам обоим уходить... Вот я вернусь, потом ты пойдёшь, а то хлеб поспеет, кто же его будет убирать? Мать по хозяйству, а дед старый...»

Провожать отца пошли до исполкома. Возвращаясь домой, Мишка спросил у деда: «Дедунь, а с кем батянька воевать будет?»—«Злые люди объявились по суседству. Народ их кличет бандой, а по-моему, просто разбойники. Вот отец и пошёл с ними стражаться».

Ночью Мишку разбудили голоса. Дед голову высунул в открытое окно. Над станицей чёрным столбом вытянулся дым, по улице сновали конные. Один крикнул деду: «Езжай за станицу! В хворосте ваши коммунисты лежат. Навали и вези, нехай родственники зароят их!»

На заре заскрипели ворота и дед ввёл во двор лошадь. На повозке неподвижно лежал человек в матросской рубаше, залитой кровью. Мишка прыгнул в повозку, припал к нему: «Батянюшка, встань! Батянюшка, миленький!»

Поздним вечером, когда совсем стемнело, дед позвал Мишку и повёл к конюшне. Вывел Савраску, нагнулся к Мишке и зашептал: «Стар я... не влезу на коня. Езжай на хутор Пронин. Там должен быть красный отряд. Скажи, нехай едут в станицу: тут, мол, банда!.. Понял?»

Посадил его дед верхом, ноги привязал к седлу, чтобы не упал и мимо бандитской заставы провёл Савраску в степь.— «Над балкой езжай, никуда не свиливай! Прямо в хутор приедешь. Ну, трогай, мой родный!»

Мишке страшно одному в степи, жмётся к Савраскиной шее
зябким комочком. Ветром донесло собачий лай. Вдруг: «Стой!
Кто идет? Стрелять буду!»

Ахнули выстрелы. Мишкин крик потонул в конском топоте. Савраска захрипел и грузно повалился на правый бок. Мишка ощутил страшную боль в ноге.

Подскакали двое, нагнулись над ним.—«Мать родная, да это парнишка!»—«Неужто ухлопали?»—«Жив. Конь ногу придавил».—Теряя от боли сознание, Мишка прошептал: «Банда в станице... Батяньку убили... Сполком сожгли... Дедуня велел вам скорееича ехать туда!»

КОНЕЦ

Диафильм по литературе для 6 класса
сделан по заказу Министерства просвещения РСФСР

Сценарий О. ЗУБКОВОЙ
Художественный редактор В. ИВАНОВ
Редактор Г. ВИТУХНОВСКАЯ

Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1975 г.
101000, Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Д-103-75

Цветной 0-30